

Раздался прохладный и отстраненный голос, прозвучавший за спиной троих мужчин. До этого царившая здесь оживленная атмосфера за секунду словно окатила окатившая всех ледяной водой. Трое смущенно обернулись и увидели И Яньци: облаченный в сшитый на заказ дымчато-серый костюм, он с бокалом красного вина в руке стоял с совершенно бесстрастным лицом, неизвестно сколько уже подслушивая их разговор.

— Ох, генеральный директор И!

— И Цзун, давненько не виделись.

Хлюп —

Едва успели стихнуть дежурные любезности, как бокал с вином в руке И Яньци внезапно наклонился. И надо же было такому случиться: всё вино до последней капли выплеснулось прямо на туфли того самого человека, который только что назвал Гу Цзэ избалованным мажором, а брызги попали на штанины остальным двоим.

— Прошу прощения, рука дрогнула.

Всегда зрелый, сдержанный и холодный в общении с людьми И Цзун невозмутимо произнес эти четыре слова. Трое ошеломленно замерли, но, несмотря на изумление, на их лицах застыла лишь вымученная улыбка.

— Я оплачу химчистку.

— А, не нужно, не нужно, пустяки, сущая мелочь. Раз уж вы здесь, И Цзун, мы пойдем переоденемся и вернемся.

Трое неловко ретировались, и перед уходом каждый прочел на лицах друг друга безграничное недоумение. Скажи кто, что И Яньци сделал это нарочно — с какой стати ему так поступать? А если не нарочно, то актерская игра у него просто никудышная!

Небольшой инцидент привлек внимание других гостей, однако вскоре всеобщее внимание переключилось на куда более зрелищное событие.

Дверь банкетного зала стремительно распахнулась и закрылась: двое исключительно привлекательных мужчин о чем-то препирались прямо у входа, цепляясь друг за друга. Приглядевшись, публика тут же узнала молодого господина Гу и его ненаглядного фаворита.

— Хватит тащиться за мной, давай расстанемся по-хорошему.

— Кто это собирается расставаться с тобой по-хорошему! — Цинь Ся чуть не плакал от обиды.

— Ты хоть назови мне причину! С чего вдруг ты начал устраивать мне эту черствую молчанку? Что я вообще сделал не так?

— Я же сказал: ты не сделал ничего плохого. Просто я больше не люблю, чувства угасли.

Гу Цзэ устало и беспомощно развел руками. Ему совсем не хотелось выносить это всё на публичное обсуждение, но его просто загнали в угол.

— Да как ты можешь меня не любить! А я вот тебя люблю, я не согласен на расставание!

— С чего это мы вообще расстаемся? — Гу Цзэ потер переносицу, пытаясь вернуть ход событий в привычное русло. — Ты ведь так и не дал согласия на официальные отношения. Иначе я бы с тобой давно развелся, максимум — мы просто закрываем период двусмысленности.

Цинь Ся на мгновение потерял дар речи, но Гу Цзэ поспешил развить успех. Он похлопал его по плечу и произнес проникновенным тоном:

— Не заикивайся на ком-то одном. Расслабься, впереди тебя ждут деревья получше, и уж они-то тебе точно понравятся.

— Но мне нравишься именно ты! — Цинь Ся смахнул слезинку, выглядя при этом до жалости трогательно.

Гу Цзэ тихонько усмехнулся и покачал головой, а в глубине его глаз мелькнул холодок:

— Хватит вживаться в роль так, будто веришь в нее сам. Любишь ты меня или нет — тебе лучше знать самому. Или, вернее сказать, возможно, ты меня и любишь, но привлекает тебя вовсе не моя личность, а мои деньги и статус.

— Но ведь деньги и статус — твои достоинства! Что плохого в том, что мне нравятся твои достоинства? — с вызовом бросил Цинь Ся, и Гу Цзэ на секунду натурально онемел от такого ответа.

Зевак вокруг становилось всё больше, и даже для привычного к вниманию Гу Цзэ это оказалось чересчур. Он развернулся, намереваясь уйти, но стоило ему повернуть голову, как сквозь редкие фигуры стоявших поодаль гостей он встретился взглядом с мужчиной, одиноко стоявшим в самом центре банкетного зала.

Этот зрительный контакт продлился лишь мгновение: И Яньци тут же отвел глаза и зашагал к выходу, однако Гу Цзэ почему-то показалось, что во взгляде его что-то было не так.

Если и не тоска, то уж точно не радость.

Гу Цзэ слегка нахмурился и поспешил за уходящим И Яньци. Цинь Ся было бросился следом, но его окликнул Чжао Личуань.

Гу Цзэ настиг мужчину на открытом балконе. Тот, опираясь о перила, в облегающем по фигуре костюме смотрел вдаль на сад. Гу Цзэ с интересом окинул его взглядом со спины и с неожиданным удивлением отметил, что фигура у И Яньци очень даже хороша, а пропорции

тали и бедер просто великолепны.

— Ты не в духе. Кто тебя обидел?

И Яньци обернулся. Глаза Гу Цзэ были чистыми и искренними. Этот человек заметил его перемену настроения и переживал из-за того, что он расстроен. Но при этом он совершенно, абсолютно не догадывался, что именно послужило причиной.

И Яньци всегда считал, что в Гу Цзэ есть некая наивная жестокость.

С самого детства в такие моменты он неизменно и отчаянно желал лишь одного: чтобы Гу Цзэ просто переставал о нем беспокоиться.

— Пустяки, дела компании.

Услышав это, Гу Цзэ качнул языком за щекой, бросил взгляд на толпу в банкетном зале и подавил внезапно шевельнувшееся желание кому-нибудь врезать.

Он подошел к И Яньци, прислонился спиной к перилам и оперся на них локтями. Ветер взъерошил его волосы, придавая образу легкую, небрежную удаль.

Парень склонил голову набок и в упор уставился на собеседника:

— Я видел, как ты облил того парня вином. Зачем?

И Яньци ответил на взгляд — судя по всему, он никак не ожидал, что Гу Цзэ обратит на это внимание.

— Мелочь, — обронил И Яньци. — Всё уже закончилось.

Разговор явно был окончен.

Гу Цзэ издал короткий смешок, развернулся и, по-приятельски закинув руку на плече И Яньци, с игривой ноткой в голосе произнес:

— Знаешь, я заметил, что сейчас ты стал немного другим. Раньше, когда тебя обижали, ты даже дать сдачи не умел, вечно молчал как овца на закланье, а вот так — совсем другое дело.

И Яньци повернулся к нему. Расстояние сократилось настолько, что они почти касались кончиками носов. Он уже и не помнил, когда в последний раз находился так близко к этому человеку.

Глядя прямо в янтарные глаза Гу Цзэ, И Яньци совершенно спокойно произнес:

— Я всегда был таким.

С этими словами он убрал руку Гу Цзэ со своего плеча и шагнул прочь.

Гу Цзэ, опираясь о перила, бросил ему в спину:

— А я вот помню, что нет.

И Яньци замер на месте.

Гу Цзэ, развернувшись вполоборота, смотрел на его спину:

— Раньше, когда тебя обижали, всех этих обидчиков всегда разгонял я.

И Яньци не оглянулся. Он уверенно зашагал обратно в банкетный зал, и его гордая фигура растворилась в толпе, по-прежнему ярко выделяясь среди блеска и роскоши светского приема.

Гу Цзэ молча скрестил руки на груди и понаблюдал за ним еще немного, пока полы пиджака окончательно не скрылись из виду, после чего медленно опустил взгляд.

То, как И Яньци только что бросил фразу «Я всегда был таким», выдавало скрытые эмоции.

Словно это была... жалоба.

На что же он жаловался?

Хотя они с И Яньци росли вместе с малых лет, Гу Цзэ всегда казалось — и в прошлом, и сейчас, — что между ними будто пролегла незримая пелена.

Нет, бывали и хорошие времена. Словно два сильных танцора, еще не успевших притереться друг к другу, выходят на сцену: когда их ритм совпадал, танец получался потрясающе гармоничным, но стоило шагу сбиться, как партнер тут же казался непостижимым и ускользающим.

И пожалуй, самым хаотичным моментом во всем этом стало согласие И Яньци на брак по расчету.

В кругу богатых семей подобные браки были обычным делом: ради выгоды играли роль примерных супругов, а за спиной вели каждый свою жизнь — все к этому давно привыкли.

Но И Яньци был другим.

Сколько Гу Цзэ себя помнил, этот человек казался ему чересчур консервативным и заикленным на правилах. Слово устаревшая модель человека без обновлений в прошивке, он требовал, чтобы всё шло своим чередом, и никоим образом не допускал даже малейшей ошибки в собственной жизни.

В представлениях Гу Цзэ такое грандиозное событие, как брак, точно не могло быть для И Яньци делом пустяковым: он наверняка подошел бы к нему с душой, отыскивая человека, которому смог бы подарить искренние чувства, чтобы вместе вить семейное гнездо.

Гу Цзэ даже мысленно рисовал образ идеального партнера для И Яньци, но в итоге тот согласился на коммерческий брак со злейшим врагом, друг друга терпеть не мочь.

— А-Цзэ.

За спиной послышался знакомый голос, и Гу Цзэ, обернувшись, увидел Чжао Личуаня.

— Наконец-то уговорил его уйти. Вся глотка пересохла пока уговаривал.

Гу Цзэ потребовалось мгновение, чтобы сообразить, о ком речь:

— Спасибо. Ты просто мастер, пропал бы я без тебя.

Он похлопал Чжао Личуаня по плечу. Тот поначалу улыбался, но, услышав следующие слова, тут же посерьезнел:

— И Яньци только что с кем-то зацепился языком и даже облил человека вином. Разузнай-ка для меня, что там стряслось.

— Вот оно что, — Чжао Личуань опустил голову, а когда поднял взгляд, на его лице снова играла улыбка. — Я тоже это видел и между делом поинтересовался. Кажется, те парни ляпнули что-то лишнее и принялись полоскать имя И Цзуна, ну он и вспылil немного, после чего те сразу притихли.

— Из-за чего это И Яньци мог позволить кому-то... — Гу Цзэ на полуслове замолк. Единственное уязвимое место безупречного во всех смыслах И Цзуна, над которым кто-то мог зубоскалить, — это их несколько нелепый брак.

— Я понял.

— Нет-нет, с тобой это никак не связано, — поспешно добавил Чжао Личуань. — Не забивай голову, рабочие моменты.

— Ладно, я в уборную.

Гу Цзэ уже собрался уходить, как Чжао Личуань попытался последовать за ним:

— Я с тобой.

— Не нужно, занимайся своими делами. Разве эта банда недоношенных сорванцов сможет без тебя справиться? Не забудь заставить их вечером угостить тебя ужином.

Чжао Личуань привык играть роль наседки в компании этих мажоров, беря на себя абсолютно любые хлопоты. Сегодняшний банкет устраивал один из их тусовки, и Чжао Личуаню приходилось следить за порядком. Ему оставалось лишь остановиться и смотреть, как Гу Цзэ направляется в противоположную от уборной сторону.

Он прекрасно знал: Гу Цзэ направляется к тем трём парням.

Ветер залетал за воротник, надувая рубашку пузырем. Внутри помещения он изрядно повозился и успел покрыться тонким слоем пота, а теперь от сквозняка стало зябко.

Чжао Личуань сжал кулак и с досады ударил по перилам.

Он сболкнул лишнего. Истину говорят: больше говоришь — больше ошибаешься.

— Хм.

Выплеснув эмоции, Чжао Личуань снова взял себя в руки.

Разве имеет значение, что именно он сказал?

Он чуть приподнял подбородок, вернул на лицо привычное выражение и шагнул обратно в ярко освещенный банкетный зал.

<http://bllate.org/book/25762/3080267>